

Снова наступает сибирское похолодание, и каждую зиму его бросает бесконечно. В темную середину ночи не только резко падает температура, но и пронизывающий северный ветер не может дотянуться.

На моторизованном трехколесном велосипеде с рулевым колесом Лу Цзяньжэнь был лучше всех знаком с дорожными условиями, поэтому он просто проехал мимо него. Четвертый и Даксия втиснулись во второго пилота, очевидно, съезжились в одном только заднем кузове и затряслись.

Моторизованный трехколесный велосипед немного староват, а звук запуска относительно громкий, и он очень далеко ездит в темноте.

Нескольким машинам, которые тихо следовали за нами, вообще не нужно было приближаться. Звук двигателя был слышен на большом расстоянии, так что не нужно было беспокоиться о том, что они его потеряют.

“Лао Ци, твои навыки не так уж плохи! Четвертый искренне восхищается: “Если не включать свет ночью, все равно так скользко!””

Лу Цзяньжэнь рассмеялся и сказал: “В-четвертых, это называется местным преимуществом. На этой стороне дороги я ловил птиц, кроликов и собак. Я был знаком с этим давным-давно. Я помню, где есть большие ямы!”

“Ты когда-нибудь бил собаку?” Лао Ци продолжал преподносить сюрпризы, и Лао Си почувствовал, что обнаружил сокровище.

Лу Цзяньжэнь сказал: “Почему бы нам не найти место, где можно ударить по одному, когда все закончится?” На севере есть деревня, где много собак, а я пока не люблю собак.”

Четвертая некоторое время была убита горем, думая о том, чтобы научиться нескольким трюкам у седьмой.

Даксия тоже хотела попробовать, но у нее было немного на сердце. Видя, что четвертый убит горем, она быстро напомнила: “Бизнес важен!”

Четвертый собрался с духом и сказал: “Лао Ци, когда мы перейдем из рук в руки и продадим товар, деньги будут в руках, так что играй изо всех сил! Лови все, что захочешь! Ешьте и пейте острое!”

Лу Цзяньжэнь вздохнул, что четвертый ребенок пришелся ему по вкусу, и небрежно ответил: “Хорошо!”

Моторизованный трехколесный велосипед с грохотом помчался вперед, на юг, и вскоре оказался возле леса.

Четвертый ребенок убрался с дороги и включил фары. Лу Цзяньжэнь включил фары. По обе стороны дороги были дренажные канавы. Поперек дренажной канавы был участок леса, засаженный маленькими тополями.

“Вот именно!” Четвертый уверен, что это правильно.

На противоположной стороне внезапно появился автомобильный фонарь, подключенный к выключателю, который, казалось, подавал сигнал.

Четвертый сказал: “Седьмой, дважды переключись и наклоняйся.”

Лу Цзяньжэнь не сказал ничего грязного и не сделал ничего ненадежного, а сделал именно то, что сказал четвертый.

Эти люди все еще недостаточно разбираются в горной резьбе. Если бы люди в Луцзяцуне были там, они определенно почувствовали бы себя ненормально, увидев Лу Цзяньжэня таким тихим и послушным.

Когда моторизованный трехколесный велосипед наклонился, Лу Цзяньжэнь обнаружил, что напротив припаркован фургон, а возле машины стоят двое мужчин.

Припарковав машину, четвертый сказал: “Вылезай из машины!”

Лу Цзяньжэнь вышел из машины, фары были включены, а огонь не выключен. Четвертый старейшина удивленно оглянулся. Лу Цзяньжэнь понизил голос: “Мы должны быть осторожны. Если возникнет какая-либо ситуация, мы можем немедленно отступить.”

Четвертый поднял большой палец: “Ты предусмотрительный!”

Минмин подошел сзади и хотел сказать что-то замечательное. Его рот открылся, зубы продолжали касаться друг друга, и он издал странный звук: “Тук, тук, тук...”

Те, кто называет бедствие сибирского похолодания на кузове автомобиля, не заботятся о своих ртах.

Четвертый и Даксия вышли вперед, чтобы поговорить с людьми, в то время как Лу Цзяньжэнь и Минмин ждали позади.

Не очень далеко к северу от дороги тихо проехали несколько машин. Лу Чун взглянул на второго пилота. Огни перед ним не двигались, и звук не становился дальше, как будто они остановились.

“останавливать” Лу Чунь немедленно отдал приказ: “Иди, поторопись и прикоснись к нему!”

Чтобы поймать вора, нужно испачкаться. никто не знает, чем занимается эта группа людей, но, вероятно, не стоит играть этот сет ночью.

Он увещевал тысячи раз, седьмому дяде не нужно было ничего делать, и он был в безопасности и стабилен как сообщник, просто ожидая, когда его поймают, если ему действительно нужно было что-то сделать.

Лу Чунь не беспокоился о седьмом дяде. Хотя седьмой дядя был очень могущественным, он был осторожен.

Восемь человек быстро последовали за ним и рассредоточились по обе стороны дороги. Бэй Сянжун вывел группу людей из рощи и заблокировал вход с юга. Лу Чунь и остальные быстро и тихо коснулись задней части трехколесного велосипеда с мотором.

Лу Цзяньжэнь достал сигарету, закурил и дал Минмингу еще одну. Минмин взял ее и хотел сказать спасибо. Он открыл рот и сказал: “Тук, тук, тук...”

Задняя дверь фургона открылась, и из него вышла женщина с четырьмя детьми в возрасте шести или семи лет. На нескольких детях было мало одежды, и они дрожали от холода, но никто не сказал ни слова. Женщина делала все, что она просила, и выглядела очень хорошо воспитанной.

Лу Цзяньжэнь хорошо разбирается в кривых и злых путях. Когда он смотрит на этих четверых детей, он понимает, что делает четвертый.

Воспользовавшись возможностью прикурить сигарету для Минминга, Лу Цзяньжэнь оглянулся. Фары перед машиной были включены, а за машиной было темно, так что он ничего не мог разглядеть отчетливо.

Старший племянник привел кого-нибудь, чтобы не отставать? Нужно ли менять горную скульптуру на...?

Четвертый, четвертый! Лу Цзяньжэнь вздохнул: “Ты действительно глуп или притворяешься глупым?”

Неужели эта гребаная история с разбитыми сыном и внуком была кем-то придумана?

Даксия протянула кому-то черную сумочку, и через некоторое время четвертый повел четверых детей этим путем.

Они даже не осмелились издать ни звука и очень хорошо вели себя вслед за четвертым.

Лу Цзяньжэнь посмотрел на одного из мальчиков и вдруг подумал о гвоздях. Его сердце, которое было равнодушно к Фэньюню, внезапно немного сжалось.

Позади трехколесного велосипеда Лу Чунь увидел это реалистично и прошептал: "Действуй!"

Он взял инициативу в свои руки, выбежал вместе с людьми, посветил фонариком в лицо четвертому и крикнул: "Полиция проводит проверку, не двигайтесь!"

Согласно требованиям полиции и Лу Чуна, Лу Цзяньжэнь просто послушно ждал, но если бы он действительно хотел это сделать, горная скульптура не была бы горной скульптурой.

Лу Цзяньжэнь повернул голову и увидел Лу Чуна, мчащегося сзади. Он поднял руку и ударил Минмина в лицо. Минмин врезался в переднюю часть трехколесного велосипеда и открыл рот, чтобы сказать: "Тук, тук, тук..."

Звук соприкосновения зубов стал громче.

Четвертый подошел к середине двух вагонов, разделенных небольшим расстоянием с обеих сторон, и хотел убежать, когда увидел, что поза была неправильной. Как он мог подумать, что седьмой, которым он искренне восхищался, был подготовлен. Он снял свои большие кожаные ботинки и бросил их подошва ботинка оказалась прямо у него на лице. У четвертого потекли сопли и слезы, и прежде чем он успел убежать, он велел подбежавшему Лу Чуну упасть на землю.

Кто-то поймал Даксию на обочине дороги!

Бэй Сянжун взял под контроль фургон и людей на противоположной стороне.

Лу Чун и член объединенной группы защиты надели на четвертого наручники, вытащили его наверх, а затем попросили кого-нибудь подъехать.

У четвертого из носа текла кровь, и ему было совершенно наплевать на полицию. Он смотрел прямо на седьмого, его лицо было полно замешательства и боли.

Какой-то Ляньфан узнал, что это дядя Лу Чуна, и быстро подобрал кожаные сапоги. Лу Цзяньжэнь надел кожаные сапоги и взглянул на четверых детей.....

“Старая Семерка! Как, черт возьми, ты можешь так варить! Четвертый вдруг открыл рот, пронзенный душераздирающей болью: “Мы братья!” Это Тизи с такой же преданностью! Это почти то же самое, что отрубать курице голову, жечь желтую бумагу и пить кровавое вино! Ты человек, даже твои братья продают это! Знаете ли вы, что после завершения этой сделки я планирую отказаться от своей должности и назвать вас боссом! Чтобы мы могли забрать нашего брата, чтобы он был счастлив и счастлив!”

Он опустился на колени с глухим стуком, соплями и слезами. Эта печаль была печальнее, чем его покойный отец.

Как только прозвучали эти слова, все, включая Лу Чуна, посмотрели на Лу Цзяньжэня странным взглядом.

Бэй Сянжун пробормотал: “Люди семьи Лу, почему нет нормального человека, племянника лидера Секты Пяти Ядов, который является боссом тайной работы дяди?” Если на этот раз вы никого не поймаете, что вы скажете, когда седьмой дядя станет боссом?”

Совместная защита рядом с ним услышала это и тихо ответила: “Лу ссылается на этого дядю, он действительно талант! Классно!”

Лу Цзяньжэнь надел ботинки и посмотрел на четверых детей, которых утешал Лу Чунь. Дети были ошарашены и очень хорошо вели себя. Он повернул голову и посмотрел на четвертого: “Я отец, и у меня есть дети.”

Четвертый опустился на колени, убитый горем, и не подумал, что логика в словах Лао Ци была неправильной, и взревел: “Кто не отец! У которой еще не было ребенка! Лао Ци! Я открываю тебе свое сердце, беру тебя, чтобы разбогатеть и заработать деньги, а ты просто так обращаешься со мной! Лао Ци, где твоя совесть? Я сказал собаке съесть это!”

Лу Цзяньжэнь на некоторое время потерял дар речи, оставив этот вопрос в покое, у четвертого действительно был к нему аппетит.

Была совместная защита, которая, возможно, была отцом, когда он был старше. Глядя на четверых детей, которые не осмеливались заговорить, он не мог не сделать выговор: “Ваше гребаное преступление оправдано!”

Есть несколько отцов, которые не ненавидят такого человека, он не может не сказать: “Грубый! Еще раз поднимете шум, и я брошу вас в женский центр содержания под стражей!”

Лу Цзяньжэнь больше не хотел смотреть на четвертого ребенка. Он повернулся, подошел к трехколесному велосипеду, открыл дверь и поднялся наверх, молча закурил сигарету и не хотел ничего говорить.

В это время одна за другой подъехали несколько машин сзади. Лу Чунь приказал посадить людей в машину, посадил четверых детей, объяснил это институту и попросил двух женщин-полицейских, которые были матерями, срочно примчаться в институт, чтобы поддержать их.

Покончив со всем этим, Лу Чунь подошел к трехколесному велосипеду, осторожно постучал в дверь, подождал, пока Лу Цзяньжэнь откроет дверь изнутри, и сказал: "Дядя Ци, не думай слишком много..."

Лу Цзяньжэнь выбросил окурки и сказал: "Чуньцзы, твой седьмой дядя не дурак. Ты не можешь отличить такое простое добро от зла?"

Лу Чунь был уверен, что с дядей Ци все в порядке, и сказал: "У меня немного напряжены руки, дядя Ци, через некоторое время ты будешь ездить на трехколесном велосипеде, и я поеду с тобой в институт."

Лу Цзяньжэнь сказал: "Хорошо! Вождение - это проще простого."

Лу Чунь вышел вперед, он сел за руль трехколесного велосипеда и обернулся, посмотрел на машины, трогаящиеся перед ним, и проследил за дверью заправки.

По сравнению с тишиной, когда я вернулся, это были большие фанфары, когда я вернулся. Колонна включила фары и помчалась в университетский город.

Столкнувшись с таким внезапным случаем, пришедшим из-за границы, полицейский участок Университетского города был занят с ног до головы, сообщая в окружное бюро, допрашивая подозреваемых в удивлении, успокаивая четверых детей и выясняя личность ребенка по уведомлению, отправленному подразделением brother или уведомлением о розыске. И так далее дальше.

Далее, есть слишком много вещей, с которыми нужно разобраться.

Было слишком поздно, и, закончив обычные расшифровки, Лу Цзяньжэнь пришел в спальню Лу Чуна, лег и заснул.

Он принадлежал к великодушному человеку, и на обратном пути душераздирающие крики четвертого старика больше не могли на него повлиять.

Нужно ли вам принимать во внимание так называемое братство, UU reading www.uukanshu.com Сидеть сложа руки и наблюдать, как происходят эти человеческие трагедии?

Рано утром следующего дня Лу Чунь поинтересовался мнением лидеров и позвонил Фань Яню. Через отдел по связям со СМИ Вечерних новостей он запросил как можно больше подсказок о личности детей.

Они также хотят как можно скорее связаться с родителями ребенка. В это время семейное тепло поможет ребенку больше всего.

Лу Цзяньжэнь проснулся в середине утра, поздоровался с Лу Чуном и направился к центральному перекрестку. Проходя мимо временного рынка, он увидел Лу Дуна у прилавка. Думая, что он не завтракал, он вошел на рынок.

“ Дядя Севен! Лу Донг огляделся с ног до головы: “Откуда ты?””

Лу Цзяньжэнь проигнорировал его и сначала сказал Цяо Вэйго: “Маленькая лысая голова, испеки мне блинчик! Затем он зашел в кабинку, взял мазу, сел и жестом указал Лу Дуну: “Дунцзы, иди сюда”.”

Лу Донг сел напротив него: “Что-то не так?”

Никто не просил держать это в секрете, и не в стиле Лу Цзяньжэня не говорить о том, что он сделал: “Твой седьмой дядя только что совершил невероятную вещь! Спас несколько человек!”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/69285/2110079>